

ДАРЬЯ
ДЕЗОМБРЕ

ОШИБКА
ТВОРЦА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д26

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *О. Фатиховой*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Д26 **Дезомбре, Дарья.**
Ошибка Творца : роман / Дарья Дезомбре. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-247003-5

В Москве идет охота на красивых людей: погибают актриса, телеведущий, манекенщик... Они никак не связаны между собой, и следствие скоро заходит в тупик: растворяются в тумане наемные киллеры, невинные признаются в убийстве, которого не совершали, а настоящий преступник, напротив, выходит из зала суда за «недостатком улик»...

Это полный провал. Оперативникам с Петровки Марии Каравай и Андрею Яковлеву такая череда неудач в новинку: они не могут отпустить нераскрытые дела, и, пытаясь нащупать «корень всех зол», обнаруживают тонкую нить, уходящую в «лихие 90-е», в те времена, когда жертв еще и на свете-то не было...

Давнее преступление, задуманное как благо, оборачивается трагедией, затягивая в свою воронку все больше людей. И это только начало... Чтобы прервать катастрофическую цепь событий, должны погибнуть невинные. И среди них, возможно, Андрей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247003-5

© Фоминых Д.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Бог делает все вещи хорошими, но человек сует в них свой нос и превращает в зло.

Руссо (1724—1804)

А если так, то что есть красота и почему ее обожествляют люди?

Н. Заболоцкий

ОТРЫВОК ИЗ ЗЕЛЕННОЙ ТЕТРАДИ

Лет пять тому назад, где-то через год после смерти матери, я нашел в завалах на антресолях древний чемодан из коричневого кожзама с металлическими уголками. Отпрыгнул, будто все эти годы был наготове, под моими неловкими пальцами железный замочек. Я открыл крышку и замер, как герой «Союзмультфильма» перед сундуком Али-Бабы. Внутри, переложенные свалявшимися комьями желтоватой ваты, лежали советские елочные игрушки: настоящее сокровище. Такие далекие по цвету от современного китайского ширпотреба, они выглядели нежно-изумрудными, апельсиновыми, пуанцовыми хрупкими бочками. Серебристая пыль, призванная некогда изображать новогоднюю изморозь, осыпалась в вату. Некоторые оказались чуть побиты, обнаруживая полое нутро: снегурка на прищепке, разнокалиберные шары, домик под снегом и даже пара кукурузных початков — фисташково-зеленый и золотой. Я аккуратно перебирал их, вспоминая.

Удивительно, как лишенным жизни старым предметам дано отбросить нас в прошлое: я вспомнил, что кроме игрушек елку украшали тонкой мишурой из фольги и похожим на серебристый еришник «дождиком», а под елку ставился пластмассовый дед мороз — сторож подарков, которые неизменно выкладывали для меня взрослые холодным утром

1 января. Я раскатывал по нашей большой комнате в коммуналке на трехколесном велосипеде, мешаясь у матери под ногами: она сновала из кухни в комнату с тарелками студня, которому еще предстояло застыть, «Наполеона», которому еще предстояло пропитаться. Я вспомнил звук сечки, яростно шинкующей капусту в деревянной миске, гром противней. Жар, насыщенный запахами пирогов, — из кухни, холод, тянущий морозным озоном, — из форточки. И, чтобы окончательно добить меня ностальгией по невозвратному, чемодан отдал мне свою последнюю драгоценность: в глубине, под слоем ваты, лежали несколько тетрадей по 48 листов, чуть пожелтевших от времени. На обложке, там, где положено писать фамилию, было старательным почерком выведено: «Дневник». Я сглотнул, их перебирая, — я и не помнил, что вел дневник, да еще и так настойчиво — тетрадей было четыре штуки, и каждая пронумерована тонким карандашом матерью: 1, 2, 3, 4. Не решившись листать их сразу, я положил тетради на тумбочку рядом с кроватью: как вечернее чтение.

Вечером же выяснилось, что дневник был ненастоящий, а лишь разновидность «Читательского дневника», который от нас требовали в школе. Но вел я его по институту включительно: перерабатывая и обобщая полученную из книжек информацию. Последняя, четвертая тетрадь была заполнена едва наполовину, дальше шли чистые листы в линейку с отчеркнутыми полями. В тот день, отложив дневники и выключив свет, я еще долго думал о матери, перебирая воспоминания о ней, как те хрупкие елочные игрушки. Как она, накрасив рот, облизывалась привычной кошачьей гримаской, «делясь» алым жирным гляncем с нижней губой, или желто-белые полосы на ее махровом халате, уже выцветшем,

с торчащими нитками, купленном у золотозубой цыганки где-то на полустанке по дороге к морю. Или вот еще: запах земляничного мыла, которым она перекладывала свои вещи. Такой химический и такой родной.

А еще через несколько месяцев и случился наш разговор. И я вдруг взял ту последнюю тетрадь и ручку, всегда лежащую на тумбочке рядом с деловыми бумагами. Открыл на чистой странице, ближе к концу. «Дорогая мама! — написал я и вздрогнул. Почерк, испорченный компьютерной клавиатурой, выглядел совсем чужим. — Я не знаю, как мне поступить, и, к счастью, уже не могу спросить тебя — ты не пережила бы такого вопроса. Мне придется убивать. Я легкомысленно разбросал камни, и вот — пришла горькая пора урожая. Но если я стану убийцей, то не смогу больше обратиться к тебе, даже в мыслях. Поэтому прощай, мама. Теперь уже — навсегда».

АЛИСА

Сергей Николаевич коротко нажал на кнопку звонка, чтобы предупредить о своем приходе, и сразу же сам открыл дверь.

— Я дома! — крикнул он в сторону второго этажа, ожидая легких шагов сверху, ее появления в коротком шелковом халате на лестнице. Ликующее всплескивание руками — будто взлетающая птица. Быстрый перебор длинных ног по ковровой дорожке лестницы вниз. Бросок к нему на шею: «Любимый!» Прелесть свежих семейных традиций. Никто никогда не встречал Рудовского с такой радостью, и весь этот пируэт вокруг его прихода был тем, ради чего он и спешил домой. Но сегодня в доме было тихо — оче-

видно, Алиса задержалась в институте или в театре. Он разочарованно пожал плечами: обидно, но ничего страшного. Зато будет время приготовить для нее сюрприз — ужин. На неделе едой занималась домработница. Но сегодня суббота — у домработницы выходной, значит, ему и кухарничать.

— Никогда не думала, что мужчина может так вкусно готовить! — говорила ему Алиса, отправляя в красиво очерченный рот очередной приготовленный им деликатес.

И он, как всегда, не мог отделаться от желания снять все это в сильном увеличении на камеру, как рекламный ролик. Алису вообще всю можно было снимать в сильном увеличении, не опасаясь изъясна. И все воспринималось как реклама: реклама ее плеч, пальцев, глаз, волос. Любая драгоценность, любая шмотка, которую он ей дарил, не украшала ее, а напротив: украшалась — ею. С ней можно было снимать всякий жанр: от тупой комедии до фильма ужасов. Сюжет не имел значения, когда она появлялась на экране. Ни на кого больше уже не хотелось смотреть. Думать, что подобная женщина любит его, живет рядом, спит с ним — немолодым мужчиной, пусть и с интересной сединой, — казалось Рудовскому ежедневным чудом. Ничего, что она задерживается, — тем приятнее будет самому встретить ее, снять с нее плащ и туфли на каблуках, помассировать утомленную маленькую ступню и — накормить.

Он вынул из пакета кусок вырезки, которую собирался запечь, азербайджанские помидоры, щедрые пучки регана и кинзы, красный сладкий лук, молодую картошку. Удовлетворенно кивнул. Надо б переодеться: в костюме готовить было не с руки. Рудовский сполоснул руки, вытер их наскоро кухонным полотенцем и поднялся наверх.

В комнате, распахнув дверцы гардеробной, он быстро выбрал футболку и джинсы: модные, с молодежными прорезами на коленях — дань молодой жене. Повесил костюм, бросил, не глядя, рубашку в корзину для грязного белья. Заглянув в зеркало, провел крупной рукой по начинающим сесть, но еще густым волосам. И замер — на белоснежном ковре за огромной постелью торчали ступни ног. Те самые «рекламные» маленькие ступни с красным педикюром, которые он так любил ставить на ладонь. «Алиса!» — крикнул он, мгновенно испугавшись до обморока. И, бросившись к ней, запнулся на ковре, рухнул в ноги — ступни были теплые, на секунду ему показалось, что все в порядке, ну, почти всё, и, обхватив их, он нашел силы поднять голову и взглянуть... туда, где на шелковом розовом халате расплзлось бордовое пятно.

* * *

Тело увезли, и он почувствовал странное облегчение и вместе с тем — острую тоску. Дом опустел навсегда. Он сидел на диване, стараясь не обращать внимания на следы крови на джинсах. Ему вкололи успокоительное, и он был спокоен. Рассеянно глядел, как постепенно темнеет в глубине сада листва, облаком окружающая светлые даже в сумерках березовые стволы. Цветное кино его жизни на глазах превращалось в черно-белое. Напротив него в кресле, которое он занимал обычно сам (а Алиса забиралась с ногами на диван, листая глянцевые журнальные картинки), сидела молодая девушка, по виду лишь на пару лет старше Алисы. Он машинально профессиональным взглядом оценил ее лицо — ненакрашенное, широкоскулое: что-то между Кейт Бланшет и Марией Ми-

роновой. Над ним надо бы поработать — выщипать брови, нанести грим... А Алисе ничего этого было не нужно. Она и так была прекрасна — кольнуло сердце. Похоже, любая его мысль, как коза, привязанная к кольшку, сделав круг, всегда возвращалась к ней. Он заметил, что девушка пытается незаметно оглядеться, — и сам себе кивнул. Дом был его удачей, главным трофеем, пока не появилась Алиса. Хорош — всего два этажа, перетекающие одно в другое большие пространства. Стены выкрашены в натуральные цвета: терракота, бежевый, жемчужно-серый. И огромные окна.

— Оля хотела, чтобы дом растворялся в окружающем пейзаже, сливался с ним, — сказал он вслух, а девица замерла. Судя по растерянному выражению на лице, решила, что он спутал имена. — Оля — моя первая жена, — пояснил Рудовский.

— Вы в разводе? — Девица чуть напряглась.

— Я — вдовец, — кратко ответил он, и его передернуло от осознания, что он вдовец уже дважды. И быстро продолжил: — Оля попала в аварию в гололед, не справилась с управлением машины. Мы жили с ней в этом доме восемь лет. И полгода — с Алисой.

«Счастливейших полгода», — добавил он про себя.

— Расскажите, пожалуйста, про вашу жену. — Девица явно смущалась своей настойчивости. Она, похоже, ничего не поняла: он хотел говорить про Алису. Просто боялся захлебнуться словами и слезами, но если она настаивает...

— Не знаю, кто мог бы желать ей зла, — начал он с банальности. Но разве банальность не может быть правдива? — Какая-то нелепость. Очевидно, нас хотели обокрасть, вор сумел усыпить ее бдительность. Это несложно — Алиса доверчива, как ребенок. Доброжелательна к миру, хотя из очень проблемной

семьи. В девяностых, когда она родилась, едва ли не нищенствовали. — Рудовский слотнул. Голос дрожал, но не срывался — уже слава богу. — Родители были против того, чтобы она шла в театральный. Но Алиса настояла, и ее, конечно, сразу же взяли. Мы с Потемушкиным, режиссером, присмотрели ее, когда собрались снимать фильм по Тургеневу. Алисе тогда едва исполнилось девятнадцать. От нее нельзя было глаз отвести. Потом... — он вздохнул, — я брал ее на все проекты, которые снимал. В принципе, ей можно было ничего не делать в кадре, но она еще и отличная актриса. И жена... — Он вновь отвернулся к окну, поглядеть на тонкие березовые стволы под светлым июньским небом, выдохнул, сдержал рыдание. Дал себе полминуты, чтобы выровнять голос.

— Вы вот, наверное, думаете, какая избитая по нынешним временам история — юная девушка, муж, старше ее в два раза? — Он усмехнулся, глядя на девицу с Петровки. Она смотрела на него со спокойным вниманием. — А ведь у нас была настоящая любовь, и нежность, и понимание, когда и слов не нужно. Собирались сделать четверых детей — с Олей у меня детей не получилось. Сначала берегла фигуру, а потом... — Он махнул рукой. — А Алисе было наплевать на фигуру. Она хотела отказаться от проектов, которые ей предложили после «Вешних вод», — только бы больше времени проводить со мной. Я был против — не желал казаться Кощеем, чахнувшим над своим сокровищем, стареющим ревнивцем... Да и к кому ревновать-то?

— Понимаю, — кивнула девица, будто и правда могла что-то понять. А потом, заглянув в свои записи, спросила: — Алиса ведь еще занималась благотворительностью?

— И как успевала? — Рудовский покачал головой. — Все гонорары свои перечисляла в этот фонд. Вечно

бегала туда, что-то выбивала, играла с детьми в больницах...

Рудовский кивнул на фотографию, стоящую на журнальном столике: Алиса, в кружевном платье, обнимала скорчившегося в кресле ребенка. Маленькое сморщенное личико мальчика почти неприлично контрастировало с Алисиным. Он отвернулся. Убогий мальчонка с фотографии был жив, а его Алиса... Девица, слава богу, поняла, что пора откланяться. Встала, забрала сумку:

— Большое спасибо, что уделили мне время.

— Не за что. — Он тяжело поднялся с дивана и добавил, вновь банальное: — Это ваша работа.

Он прошел за ней в прихожую — через открытую дверь кухни был виден натюрморт кулинара: мясо, помидоры, кинза. Еще пару часов назад он хотел приготовить ужин, а сейчас жизнь его закончилась. Рудовский отвернулся, заставив себя смотреть на русую макушку оперативницы: стоит ли ей рассказать про Алисину записную книжку? И решил — не стоит. К убийству те непонятные цифры явно не имеют отношения, а тогда зачем? И он галантно открыл перед ней тяжелую входную дверь. Девица обернулась: брови нахмурены, смотрит с жалостью.

— Вы точно не хотите вызвать кого-нибудь из семьи, чтобы не оставаться одному?

Она так ничего и не поняла.

— Алиса была моей семьей, — сказал он, — и кого ни вызывай, все равно я один. Знаете, — он усмехнулся, — я эгоистично радовался, что она младше меня, потому что был уверен — Алиса меня похоронит, будет в последние дни держать за руку, и мне не придется жить без нее. Простите.

И, не выдержав, он захлопнул тяжелую дверь прямо перед ее носом.

АНДРЕЙ

Андрей выслушал Машины речи о большой и чистой любви, посетившей продюсера Рудовского, срока восьми лет, с некоторым недоверием. Но Маша была непреклонна: от Рудовского шла волна такого отчаяния, что хотелось как можно быстрее уйти из этого дома. Девушку было жаль, но еще жальче оказалось этого большого полуседого мужчину.

— Не знал, что ты так сентиментальна, — поддел ее он, но не сильно. Он сам был сентиментален, когда дело касалось Маши. — Значит, первый подозреваемый — муж — точно не замешан?

— Точно никто не знает, — философски заметила Маша, — но все-таки маловероятно.

— Любовник?

— Муж говорит, что нет, — пожала плечами Маша. И сама же кивнула, мол, знаю-знаю. — Но муж всегда узнает все последний.

— Вот-вот. — Андрей щелкнул ее по носу. — Давай-ка разделимся: я поеду в театр, а ты позвони... — Он глянул в записи: — В благотворительный фонд «Спаси жизнь».

— Хочешь подышать воздухом закулисья? — улыбнулась Маша. — Увидеть актрис в неглиже?

Но Андрей даже не счел нужным отвечать на безусловную провокацию: сгрэб Машу в охапку, поцеловал строго так, по-товарищески, в губы (все-таки отлично, что она не красится) и пошел себе в Театр им. Чехова.

* * *

Воздух закулисья оказался пыльным, а вид закулисья — тоскливым. Театр, расположенный в одном из арбатских переулков, был явно на последнем издыха-

нии: протертые старые кресла, клубки пыли по углам, разошедшийся паркет.

— Он ге-ни-аль-ный! — объявила ему администратор, дама лет пятидесяти, с объемной грудью, увешанной объемными же янтарными бусами. — Он выведет наш театр на новый уровень!

И она помахала в воздухе рукой в крупных серебряных кольцах с малахитом: то ли виртуальный дым сигарет разгоняла, то ли подозрения пришедшего оперативника насчет медленного умирания российской Мельпомены.

— У него уже две международные премии плюс «Золотая маска» и «Золотой Арлекин»! Знаете, он берет русскую классику, того же Островского, и выворачивает его наизнанку. Зрители выходят потрясенные, взбаламученные искусством...

На «взбаламученных» Андрей не выдержал:

— Значит, режиссер Саркелов пришел в ваш театр совсем недавно и сразу пригласил на главные женские роли Алису Канунникову?

— И тут вы не угадали! — Энтузиазму дамы не было предела. — У Алексея свое, авторское видение. Суть была в том, чтобы дать Алисочке выразиться в нетипичных для нее характерных ролях. Ведь что предлагают такой девушке? — И администратор лукаво улыбнулась.

— Что? — не нашелся что ответить далекий от Мельпомены Андрей.

— Инженю, юную красавицу — Джульетту, к примеру. А у Алеши она играла в тяжелом, уродовавшем ее гриме, а затем постепенно как бы открывала истинное свое лицо. Как душу, понимаете? И душа ее была прекрасна...

— Ясно. — Андрей потер переносицу. — И какие отношения, кроме профессиональных, связывали Алису с Саркеловым?

— Никакие! — возмутилась администратор, даже побледнела. — Вечно гадости какие-то ищете. Талантливые молодые люди, у каждого своя личная жизнь... Алиса, между прочим, замужем! У Алексея тоже... Отношения!

— С кем?

Дама подняла тонко выщипанную бровь на чуть оплывшем лице, сложила большие руки на исцарапанной столешнице:

— Вот этого не могу вам сказать. Он со мной, знаете ли, не панибратствует.

* * *

Выйдя от администратора, Андрей ткнулся наобум в первую же приоткрытую дверь. В небольшом помещении пахло нафталином и старой шерстью. Справа на входе стоял шкаф, на нем горой лежали шляпы: фетровые с полями, соломенные с лентами, треуголки — с перьями. Несколькими рядами до самой дальней стены густо шли вешалки с костюмами. В глаза Андрею бросился поблескивающий серебряной нитью кафтан с белоснежным жабо. В глубине спиной к нему сидела девушка в черном свитере-лапше. Золотистые волосы локонами спускались до середины худенькой спины. Когда она обернулась, Андрей хмыкнул: «девушке» было уже к пятидесяти. Девичья прическа, как ни парадоксально, ее скорее старила. Лицо под слоем пудры казалось кукольным, почти неживым, но при вопросе об отношениях главного режиссера театра мгновенно пришло в движение.

— Ха! Тоже мне, секрет Полишинеля! Какая-то баба из Министерства культуры! — Костюмерша дрогнула белокурыми бровями. — Нашу-то богадельню прикрыть хотели: залы пустые, актеры к спектаклю гото-

вятся спустя рукава, слова — и те не учат! Так сначала слух прошел: отдаем помещение под какое-то присутственное место, а потом этот наш кузнечик прискакал — Алешка Саркелов. Тут и разговоры начались, мол, не дадим погибнуть искусству! Возродим театр! Возрождать — это сейчас дело модное, сами знаете. Сначала изничтожили что можно, а теперь оживить пытаемся, тьфу! — И она вполне натурально сплюнула.

«Все-таки в театре даже костюмеры не лишены своеобразного актерского дарования», — усмехнулся про себя Андрей. А костюмерша торжествующе закончила:

— Ну а он с собой эту чертову девицу привел, очевидно, как символ эпохи Возрождения.

Андрей кивнул, а дверь внезапно распахнулась, и на пороге появился высокий худой юноша с длинным лицом.

— Майя Александровна! — начал он и осекся, увидев Андрея.

— А вот и он. Явился, не запылится! — краем рта сообщила костюмерша Андрею и расплылась в медовой улыбке: — Алексей Валерьевич, тут следователь пришел, с Петровки. По поводу убийства нашей Алисочки.

— Старший оперуполномоченный капитан Яковлев, — поправил ее Андрей. — Где мы могли бы с вами побеседовать?

ИРАКЛИЙ

«Все-таки, — думал Ираклий, паркуя машину, — странная история».

Станный звонок. Станный голос — то писклявый, то басовитый. Будто кто-то неумело пытается его, голос, изменить. И то, что этот человек знает про

Ираклия, тоже странно. Зря он согласился на встречу. Он замер на секунду, прежде чем открыть дверцу машины, посмотрел на кусочек блеклого, не налившегося еще синевой неба, едва видимого из-за небоскребов Москва-Сити. «Да еще и такая рань несусветная...» Ираклий зевнул, вынул себя из низкого спортивного автомобиля, сладко потянулся. На улице было свежо, даже воздух еще не пах, как обычно, бензином. — Да ладно. Встретится он с этим чуваком. Наверное, журналист какой. Выкопал древнюю историю и пытается его шантажировать. Детский сад. Не на того напал. Ираклий прошел быстрым шагом к бизнес-центру. Кивнул охраннику на входе, вызвал лифт. Огромное зеркало отразило широкоплечую фигуру в сером комбинезоне — нечто среднее между спортивным костюмом и пижамой: голову покрывал капюшон, позволяющий совершать утреннюю пробежку и быть неузнанным, на ногах — кроссовки из мягкой кожи. Стильно и уютно. Ираклий вынул мобильник и сделал селфи — «лифтолук». Пока доехал до нужного, последнего этажа, успел запостить фото в инстаграм с надписью: «В здоровом теле здоровый «Ух!».

Двери открылись, и он снова накинул капюшон.

— Меня ждут, — сообщил он спящему на ходу официанту.

— Еще не подошли, — ответил гарсон, пытаясь сдержать зевок.

Ираклий выбрал столик в дальнем углу. Из панорамного окна, выходящего на террасу, открывался вид на нестерпимо блестящие на утреннем солнце столичные небоскребы.

— Двойной эспрессо, — кинул он официанту и развалился на стуле, поглядывая по сторонам. Ни души. Кафе обслуживало работников бизнес-центра — днем в этом месте будет не протолкнуться. Вечером, где-то с пяти, народ тоже набивался, чтобы пропу-

стить стаканчик, поглядеть футбол или пофлиртовать с коллегой. Но в шесть утра здесь не было никогошеньки, и Ираклий сам себе кивнул. Незвестный явно не дурак. Тут их точно никто не потревожит.

— Доброе утро, — услышал он за спиной и резко обернулся. Рядом стоял высокий рыжебородый мужчина в кепке и светлом плаще.

Ираклий быстро просканировал его взглядом — от коричневых ботинок до ворота черного свитера, торчащего из-под плаща. Втянул носом воздух: от неизвестного исходил легкий запах нафталина. Официант подошел и поставил перед Ираклием наперсточек эспresso, а перед долговязым — большую чашку капучино.

— Будьте добры, сделайте так, чтобы нас никто не беспокоил, — сказал неизвестный спокойным голосом заспанному халдею. И тот мгновенно испарился.

«Никакой он не журналист, — понял Ираклий, снова исподтишка оглядывая мужчину напротив. Что-то было не так. Одежда, родом из 80-х, явно вынута ради встречи с ним из глубин платяного шкафа, окладистая рыжая борода, а брови и ресницы — темные. Ираклий вздрогнул. — Что за бред?»

— Зачем вам накладная борода? — спросил он, глядя прямо в карие с зеленью глаза мужчины.

Тот улыбнулся — зубы были свои, кривоватые.

— Ничего себе, как вы меня рассекретили. Это, — он легонько дотронулся до бороды, будто боялся, что она отклеится, — даже не ради меня — ради вас. Вы же личность известная. Зачем... — неизвестный задумался, подыскивая слова, — вас компрометировать?

— Я не девушка, — нахмурился Ираклий и отодвинул от себя пустую чашечку. — Не стоило так утруждать.

А мужчина ничего не ответил: пил капучино маленькими глотками и внимательно оглядывал Ираклия. Взгляд был странный. Ираклий почему-то вспомнил

своего приятеля, что держал в Подмоскowie питомник породистых ротвейлеров. Однажды тот был вынужден пристрелить одного из своих лучших производителей — красавца Зигмунда. Зигги, как приятель его называл, заболел бешенством. Прошлой осенью Ираклий наблюдал, как приятель недрогнувшей рукой поднял ружье и... Что за чушь лезет в голову?

— По телефону вы сказали, что у вас есть очень важная информация, — сказал он, почему-то нервничая.

— Не здесь. — Рыжий допил свой капучино и встал. Ираклий посмотрел на него с сомнением:

— Тут никого нет.

— Тут есть камеры. И есть люди, которые умеют читать по губам, — усмехнулся неизвестный. — Мне все равно. Но если хоть что-нибудь из этого просочится в прессу, вашей карьере конец.

Ираклий встал. Черт с ним! Надо побыстрее с этим покончить. Мужчина толкнул дверь на террасу. Ираклий вышел и вздохнул: красиво все-таки. Горят золотым огнем громады небоскребов. Чуть дальше серебристой лентой сверкает Москва-река. Внизу, совсем крошечные, снуют автомобили — шумит большой город. А здесь, в вышине, тихо. Только очень уж высоко. Ираклий опасливо подошел к ограждению из прозрачного пластика.

— Сюда. — Мужчина подозвал его чуть левее. — Поглядите, с южной стороны отлично виден храм Христа Спасителя!

«Да какая разница?» — подумал Ираклий, но послушно подошел.

А в следующую секунду долговязый мужчина в светлом плаще мгновенным жестом выбил пластиковый лист ограждения и с силой толкнул его вниз. От неожиданности Ираклий коротко вскрикнул, вызвав шок у ранних уборщиц парой этажей ниже,

а следующий протяжный крик уже потонул в утреннем московском шуме.

А человек в светлом плаще зашел обратно внутрь кафе, допил последний глоток чуть теплого капучино, слегка одернул коротковатый по нынешней моде рукав и увидел, прямо под большой костяной пуговицей на манжете, крошечное темно-бурое пятнышко. Кровь. Еще с прошлого раза. Он усмехнулся: плащ стал у него почти униформой. А это неправильно. Его придется сжечь, придумав себе на будущее новую экипировку.

Он положил купюру в тысячу рублей под чашку и спокойно отправился к лифту.

Официант, задремавший на стуле за барной стойкой, даже не заметил, как остался один.

ОТРЫВОК ИЗ ЗЕЛЕННОЙ ТЕТРАДИ

... что человеческая ДНК совпадает с ДНК банана на 50%. Хорошая ли это новость? Не знаю. С другой стороны, нейроны головного мозга соединены меж собой, подобно структуре Вселенной. С одного боку — банан. С противоположного — бесконечность. Пугающая простота рядом с пугающей же сложностью. Вот еще новость: почти половина генетического ДНК-материала, найденного в нашем желудочно-кишечном тракте, пока абсолютно неподвластна классификации. Генетики знают, что это не: не-бактерии, не-грибок, не-вирус. Но что же это тогда, черт возьми?! Они назвали субстанцию «темной биологической материей» по аналогии с той «темной материей», поисками которой заняты астрофизики. Подозревают, что именно там, в этом темном непонятном месте, и хранится наша генетическая память — от первых прямо-